

НА КНЯЖЕСКОЙ мело тополиным пухом, и стоял, как и по всему городу, колдовской дух белой акации. Нужный мне дом отыскался сразу. Это оказался обычный крепкий дом, какие строили в той, прежней Одессе. Парадная дверь его с мраморной ступенькой была наглухо и, вероятно, давно заколочена. Чугунные узорчатые ворота по-прежнему закрывали каретный проезд, но висели уже слегка набекрень. У входов на лестничные марши, как на клавиатуре гармошки, чернели кнопки звонков с рукописными фамилиями жильцов.

В строгом и неожиданно просторном прямоугольнике двора плясало на шворках белье, грелись на еще не жарком солнце старухи. Полифония коммунальной жизни стелала сюда, как в колодезь, — кухонные запахи, новости из очередей, завывание рок-звезд. Слева «в комнаты» вела крутая лестница. Говорят, до недавних пор у входа была старинная медная дощечка с фамилией Буковецкого — прежнего владельца, сдавшего в восемнадцатом году две комнаты беглецам из Москвы — писателю Бунину с гражданской женой Муромцевой Верой Николаевной. Иван Алексеевич жильем был чрезвычайно доволен, он вообще любил этот район Одессы, отсюда подавал рукою к морю и порту, великолепной Соборной площади, театрам и паркам.

Если вам когда-нибудь доведется побывать здесь, не верьте мемориальной доске. Она, во-первых, приколочена не на той половине здания, где жил Бунин, а во-вторых, по неизвестным соображениям «сокращает» пребывание Ивана Алексеевича в Одессе на год. Мой интерес к бунинским местам подогрет «Окаянными днями». А если точнее — постскриптомом к ним. Помните? «Листки», следующие за этим, я так хорошо закопал в одном месте в землю, что перед бегством из Одессы, в конце января 1920 года (в феврале по новому стилю. — Л. К.), никак не мог найти их».

Строки сидят во мне занозой. Господи, думаю я, как это — не найти? Да ведь там — лето девятнадцатого года, перелом в умах и сердцах, время мучительного выбора. Кто — с Россией какого бы она цвета ни была, кто — в скитаниях, чтоб до смертного часа тосковать о ней. Сейчас мы только подступили к осмыслению трагедии раскола, шарханувшись по недоброй нашей традиции из одной крайности в другую. То безоговорочно отдавали предпочтение оставшимся, кто мог бы сказать вслед за Анной Андреевной — я был с моим народом. Теперь бухнулись на колени перед зарубежьем. А истина в том, что Голгофа — одна, это пути на вершину, к распятию, были с разных сторон. У Бунина и Пастернака, у Деникина и Тухачевского, у Кировца и Троцкого, у Антонова и Махно...

Бунин определенно должен был бежать. Только бегство спасало его от смерти. Иначе мир остался бы без «Темных аллей», без «Жизни Арсеньева», без сухой звенящей бунинской прозы, обожженной великим страданием, истоки которого — в «Окаянных днях». Это страдание, умноженное бессилием, клокочет в каждой строке дневника, и его очень легко спутать с примитивной ненавистью.

Теперь, стоя в надежно заасфальтированном дворе на бывшем Княжеском (по-нашему — имени Баранова, а чтобы узнать, кто он, товарищ Баранов, нужно перелопатить не одни святцы нового времени), я не хочу смиряться с очевидным — не найти... Есть привлекательная версия, я вычитал ее у А. К. Бабареко, что дневники зарыты в «нижних помещениях». Слева от лестницы — ступеньки в полуподвал, на прежнюю кухню. Из нее можно было попасть в сарай, где хранилось топливо, в погреб. Чем не место для тайника? Но еще больше будоражат воображение дачные места — Отрада, 16-я станция, дачка Ковалевского, где, в загородном доме своего друга, художника А. Федорова, Иван Алексеевич провел последнее лето на Родине. Уж там-то — копать хоть до катакомб... На обложке моего репринтного издания «Окаянных дней» («Петрополис», 1935 года, Берлин) — редкий и очень удачный снимок

Бунина, сделанный где-то в тех местах. В белой рубашке под поясик, в брюках с лампасами, он сидит на садовой дорожке со сложенными по-крестьянски руками. Сухое лицо страдальца и странника. Боль и тоска во взгляде. Бунинской рукой надпись из Москвы, под Одессой?

А может, думаю я, где-нибудь в архиве писателя осталось незамеченным пока упоминание о тайнике? Может, сыщется? Может, как клад в древних сказаниях, не дается нам в руки дневник, ожидая нашей праведности, очищения?

Мне приходилось читать и слышать, что «Окаянные дни» пришли к нам с опозданием на полвека. Если следовать кален-

прежнему уезжать или уже есть смысл подождать, читают вслух письма от больших людей «оттуда» (а кто не помнит, как их угощали пивком на этой-таки лавочке?), травят морские истории старики с выцветшими глазами, юные мамы учат детей ходить... Теперь Соборная (как и вся страна) до одури политизирована, я попадаю на горячий, вплоть до перехода на личные характеристики оппонентов, спор — нужно ли брать взаймы?

— Шо они нам дают? Они нам дают харчами 250 миллиардов, и еще не смолкнет шум унитазов, а мы все, считая новорожденных, будем им должны по тысяче долларов. В переводе на наши — по сорок штук. Лично я за всю жизнь такие бабки в глаза не видел. Я вас уверяю, что эти харчи мы тоже не увидим...

— Или теперь «Привоз» можно называть базаром? Это настоящая диктатура для пролетариата — черешня среди лета стоит червонец за кило. Мой пацан не верит, что когда я был таким, как он, мама меня посылала на «Привоз» покупать у рыбаков бычка и глось. Интересно, чему не будут верить его дети?

В тысячный раз идет «на ура» одесский анекдот о палатке мадам Циперевич на Греческой площади, в которой она торговала черной икрой, маслинами и кефалью. «Вы не знаете, кому мешала эта палатка, что ее убрали так далеко?»

Какое убогое зрелище летней порой в Одессе овощные лотки! К слову сказать, арендные по преимуществу. Горами лежат вялые, перезревшие огурцы, скірдами — несъедобная зелень, свекла; помидоры и капуста даже не второй, а третьей свежести. Где это все было позавчера? Почему редиска просидела в грядке три срока? Все, что происходит с первыми овощами, потом произойдет с овощами поздними, с яблоками и виноградом, с арбузами и дынями. С хлебом... «Урожай в нынешнем году вокруг Одессы прямо библейский. Но мужики ничего не хотят везти, свиньям в корыто льют молоко, вялят кабачки, а везти не хотят...», — писал с недоумением Бунин о лете 1919-го, а мы вынуждены признать, что губить урожай стало советской традицией.

Знаете, иногда мне кажется, что мы все находимся в плену какого-то дьявольского наваждения. Наперед известно, где спланируем, удадем и башку раскромкаем. Но, чтобы поберечься, не падать — мысли нет. И даже соломку подстелить лень... Огурцы-петрушка — черт с ними. Хотя сколько же нужно принимать указов, проводить заседаний и парламентских прений, чтобы государственная машина оказалась конкурентоспособной с тетей Соной, не обучавшейся менеджменту в Ю-Эс-Эй? Но вот уже степные ветры заносят в Одессу дух созревающих хлебов. Когда-то, и не очень давно, к этому времени в порту завершали подготовку к встрече составов с пшеницей. Сегодня в Хлебной гавани сонное затишье...

ИСТОРИИ Одессы немало страшных и горьких страниц. И каждая начинается с того, что замирал порт. Бунин, глядя на безжизненную гавань из архирейского сада, сказал так, что не сразу и поймешь глубину и точность оценки, — вполне мертвая страна. Понимаете? Страна. Это все, что за плечами, а не перед глазами. Наверное, долго виделись ему потом пустынные причалы, ржавые и облупленные, ободранное имущество, остов сгоревшей эстакады и черные трубы остановившихся заводов на Персыльи: этим пейзажем и заканчивается дневник...

Беслечная публика, созерцающая сегодня прекрасные виды с Приморского бульвара — дальние, за Лузановкой, берега, залитые с башенкой Воронцовского маяка, суда на рейде, похожие в мареве на призраки, густой лес крановых стрел, — публика останется вполне удовлетворена и предположит не смеет, что в порту — кризис. Катастрофически упала загрузка. По нынешнему объему работы начальник

порта Н. Павлюк должен бы сократить пять тысяч работников на треть. Если не больше — потому, что и перспективы мрачные. Экспорт наш известен какой, а импорт съежился до минимума.

Мы беседовали с Николаем Пантелеймоновичем в два приема, и я ушел после прощания с душевной смутой. Износ основных фондов — около 50 процентов. Валюты — ни гроша, а эти фонды преимущественно сработаны не в Союзе. Парадоксальная информация: порт заключил более 170 договоров с различными предприятиями, но ни одно — с Черноморским пароходством (ЧМП) на обслуживание судов. И не потому, что пароходство плохое или порт с ним в

контрах. Крупнейшее в мире — не только в стране — Черноморское пароходство загнано нашей экономической политикой в глухой угол. Средний возраст судов в ЧМП — 17 лет, в нынешнем году нужно списать 21, а пополнения — ноль. Что бывает, если корабль вовремя не отправить на кладбище, нас научила катастрофа «Адмирала Нахимова». В 1991—1995 годах придется отдать на лом около сотни судов. Проблемы предприятия, в котором работают около 120 тысяч человек, заслуживают особого разговора, не вскользь. В тугом узле — пиратское изымание валюты, задолженность внешнеторговых организаций ЧМП, не поддающийся осмыслению фрахт государством иностранных судов (в прошлом году на 800 миллионов долларов), в то время, когда нужно вкладывать эти средства в строительство своих, стальные административные пути на руках-ногах ЧМП: от пятнадцатилетних разговоров о свободе и самостоятельности ее у пароходства не прибавилось на комарный писк.

Мои прогулки с Иваном Алексеевичем Буниным по современной Одессе носят продолжительный характер, персональный замысел — фотографическое сопоставление уголков Одессы, ситуаций его и наших окаянных дней мчится... Вчера я был в Хлебной гавани. Ее легко узнать даже чужому в порту — по элеватору. Вполне современное сооружение. Начальник этого «хлебного» участка А. Пилев рассказывал, что его пусkali в семидесятые. Правда, технология элеватора была египетская. На рубеже 60—70 годов иностранные зерновозы в нашу газань заходили так редко, что каждый был — событие. В дурном сне не снилось, что скоро придется напирать мозги, чтобы развернуть ехнологию элеватора на 180 градусов. Но есть ум, есть — и развернули. И я наблюдаю, как из тюрмов черного, обтерханного океанами сухогруза под неизвестным мне флагом в береговые силоса течет по транспортеру золотистая быстрая река — сахар-сырец. Кубинский. После этой разгрузки Хлебную гавань можно отправлять на каникулы, судов на подходе нет...

День назад я был в трехэтажных верстах от моря, в степях, где теперь набирают спелость хлеба. С их желтизной сопереживает олетняя царица полей — сурепка. Она забрала все что могла. И в первую очередь — свеклу, ту самую сырьевую базу сахарной промышленности, которую мы подпитываем заокеанским сырьем. Я видел плантации, которые уже не пропалывают, а спасают всем миром. Многие из них не дадут и половины того, что могли дать. Пшеницы порошли осотом, а поля сплошного бурьяна — это отведенные под пары и не вспаханные земли. Там закладывается провал урожая уже будущего года.

Мы так долго, так беспечно хабробо говорили о надвигающемся кризисе, наступившем кризисе, усугубляющемся кризисе, что в конце концов перестали (по неведению и невежеству) его бояться и понимать опасность положения. Привычная надежда на «авось» помогла нам пережить перекармливание кулпюр, самортизировала удар чернопрельских цен. А что впереди? Да, азось, пронесет.

Ум, даже самый светлый и благородный, бессилен перед чудовищной системой бесхозяйственности, системой растления народа бездеятельностью и безответственностью. Народа — не в том, привычном понимании — с серпом и молотом. А всего — включая интеллигенцию, поделяющуюся теперь на сто станов, политиков и политиканов, правителей и оппозицию. Демаркационная линия, меняющая свое местоположение чаще, чем нам хотелось бы, между «Русью и Чудью» не признает классов и сословных различий. Все мы до единого человека в ответе за то, что к бездонной пропасти привели свое Государство. Иное дело, что мера ответственности идеологов неизмеримо больше,

чем малопрощенной «Чуди и Мери». Почти столетний процесс разрушения сверхдержавы вышел на стремительную финишную прямую. Слушайте: «Левые» все «эксцессы» революции вальят на старый режим, черносотенцы — на евреев. А народ не виноват! Да и сам народ будет впоследствии вальить все на другого — на соседа и на еврея: «Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жиды на все это дело подбили...» И звучит из далекого восемнадцатого утешительное: «Нет, вы не волнуйтесь. Россия погибнуть не может уж хотя бы по одному тому, что Европа этого не допустит: не забывайте, что необходимо европейское равновесие». Правда, теперь европейское равновесие заменено мировым. Но тем не менее нужно знать: мысль эта рождена не перестройкой и принадлежит некоему знакомому Ивану Алексеевичу адвокату Малютковичу...

Быть может, самая главная, первоочередная мера, думаю я, перестать спекулировать именем народа, мнением народа. Он ведь действительно не только икона. Не больно много искусства надо, чтобы повернуть его то к коллективизации, то к разгосударвлению, приватизации, экспроприации хоть частной собственности, хоть партийной или церковной. Сегодня мнение народа в руках политиков обретает силу пятого туза в рукаве при игре в карты «по-демократическому». Подписывать Союзный договор — есть мнение народа, проголосовавшего за Союз. А, к примеру, парламент Украины ссылается при обсуждении проекта этого договора на свой референдум — народ голосовал за Союз на основе Декларации о независимости. Ну, кто смеет, кто больше смеет? Волеизъявление одесситов, высказавшихся на референдуме за создание свободной экономической зоны, тем же правительством Украины как бы не замечается. Если не игнорируется. Это мнение неудобное, плохое народное мнение, хлопотное для республики и, если хотите, подозрительное. А вдруг они там сначала зону захотят, а потом вообще какую-нибудь Новороссию возрождать станут? Странная наша младемокрация! Она во все гола требует свободы себе, но, получив ее хоть самую малость, как последний держиморда не отдаст нижестоящим структурам ни крохи.

БУНИН оставил Одессу в запустении. С тех пор она знавала и плохие, и добрые времена, но сегодня из нее нельзя глядеть без боли. Ее язвы и шрамы можно развешивать и высмеивать. Можно найти крайнего за неуверенные мусорные баки на тротуарах, ухабы на улицах и, наконец, перестройка ни при чем, что вопреки самой распространенной надписи в городе «Во дворе туалета нет», специфические запахи подворного доказывают обратное. Однако кадровые «обновления» и изменения структур власти ничего не дают. При всех реформах остается характерный признак, зорко подмеченный Буниным, — лютее отращивание ко всякому труду. Но его швейцар еще открывал двери, хоть и с ненавистью. А наш, советский, приставлен уже не пущать и брать. И этот «швейцарский

синдром» узнаваем везде, во всех сферах жизни. Никакой контроль, никакое общественное воздействие не заставит швейцара распахивать двери с улыбкой, а чиновника учреждений встречать нас с распростертыми объятиями, если не мы их будем нанмать и увольнять. Об этом написаны тома...

Одессу по десяти причинам можно объявлять зоной бедствия — по экономике, экологии, культуре, жилищному строительству, состоянию памятников архитектуры и т. д. И никто ей не поможет, кроме ее самой. Так мы возвращаемся к проблеме создания свободной экономической зоны.

За изящной дугой волнолома, прочерченной между маяком и Карантинной гаванью, даже с берега можно разглядеть копошащиеся бульдозеры и экскаваторы. Я не оговорился — именно за волноломом, там, где положено плескаться морю и где в бунинские времена был знаменитый Австрийский пляж. У моря отвоена значительная часть территории, на которой расположился контейнерный терминал и стоит высокая, напичканная электроникой башня с мурденым предназначением. Отсыпка съедает колоссальные деньги, которых у порта нет, но Н. Павлюк намерен «погнубить» по эту работу не прекращать». Вот на этой призрачной полоске суши, если Бог поможет, и намерен начальник порта занять плацдарм для возрождения. Создать порто-франковскую зону. Мне было странно слышать от Николая Пантелеймоновича, что за два года бурных, эмоциональных мечтаний в кабинетах и на публичке инициаторы создания СЭЗ не побывали в гостях у начальника порта и не спросили: что это он взялся уменьшать площадь самого синего в мире моря, какие имеет намерения и возможности?

Как бы ни разрасталась Одесса и ни хорошеела, но, как и два столетия назад, остается непреложной истиной — не порт при городе, а город при порте. И нет ничего удивительного, что именно там создается главный плацдарм, без которого не выжить порту, пароходству, городу, стране. Хотелось бы мне знать — кто против этого? Хотелось бы знать, какие есть резоны против порто-франко или свободной экономической зоны у премьер-министра Украины В. П. Фомина, у Председателя Верховного Совета Украины Л. М. Кравчука, что девяти месяцев (классический срок) оказалось им мало для принятия решения по референдуму одесситов?

ОДЕССИТОВ принято считать народом не очень серьезным. Но легкость мысли и легкомыслие не одно и то же. В отличие от большинства городов, Одессе удалось сохранить по сей день мир и уважение всех общественных слоев и языков друг к другу. Город не унизил себя ни осквернением памятников, ни последним переименованием улиц. Толку из того, что Пролетарский бульвар теперь вновь называется Французским? Выглядит-то все равно по-пролетарски... И все же мне жаль, что в городе, где Бунин прожил в общей сложности около пяти лет, с которым связан так тесно, как, пожалуй, ни с одним другим неродным городом, память о нем чтится, как говорят, не по чину. Очищение, о котором мы сейчас много говорим, без которого невозможно обновление и нравственности, и экономики, включает в себя и честные ответы на неудобные вопросы. Например, где теперь могила Никули — сына Ивана Алексеевича? Могила Льва Сергеевича, брата Пушкина? Так ли справедливо было общество к Анне Николаевне Цакни, первой, венчанной жене Бунина, которая уже в шестьдесят третьем умерла в пересыпской богадельне. Цакни — семья коммерсантов, владельцы газеты «Южное обозрение», где работал уже зрелый Бунин. Двухэтажный домик, где они жили на рубеже веков, сохранился, грузно осев на левой угол, во дворе на Херсонской — разумеется, без всяких памятных надписей... И, может, впрямь, невеста где спрятанные бунинские дневники не даются нам в руки потому, что нет достойного почтения их автору?

Л. КАПЕЛЮШНЫЙ,
соб. корр. «Известий»
ОДЕССА.

Известия. — 1991. — Зима. — С. 3

ОКАЯННЫЕ ДНИ

Прогулка по Одессе времен Бунина и перестройки